

правонарушениями¹. Наличие особого должностного положения лица можно признать обстоятельством, отягчающим наказание, только в том случае, когда оно было использовано им при совершении преступления. Иначе нет оснований утверждать, что общественная опасность преступления (например, совершенного сотрудником правоохранительного органа на семейно-бытовой почве, без использования им своего служебного положения) выше общественной опасности аналогичного преступления, совершенного обычным гражданином. Между тем, на сегодняшний день в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» именно такой вариант уголовно-правовой оценки п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ предлагается Высшей судебной инстанцией России².

Такая трактовка анализируемого обстоятельства, отягчающего наказание, свидетельствует о том, что нарушается не только принцип равенства граждан перед законом, но и такие важные, прямо закрепленные в УК РФ, основополагающие идеи, как справедливость и законность. Ведь как

можно рассуждать о законности и справедливости приговора, когда на законодательном уровне дозволена дискриминация и предоставлено право применять более строгие меры уголовно-правового воздействия в отношении человека только лишь потому, что он выбрал для себя ту или иную профессию?

В заключение хотелось бы отметить, что в юридической литературе, предлагаются различные варианты решения рассматриваемой проблемы. Один из наиболее популярных – это изменить формулировку п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ: совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа, расширив тем самым сферу действия указанного обстоятельства, отягчающего наказание. Но и этот вариант нельзя назвать верным, поскольку он не устранит сам факт противоречия основополагающим началам уголовного права и дискриминации лиц по признаку их должностного положения. На наш взгляд, единственный правильный путь решения анализируемой проблемы – это устранение нормы, вступающей в противоречие с уголовно-правовыми принципами, то есть исключение из уголовного закона п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Тараканов И.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт ФСИН России

Необходимая оборона: вопросы реализации права на причинение вреда посягающему лицу

Одной из важнейших задач современного государства, связанной с противодействием преступности, выступает защита граждан от преступных посягательств. Для реализации данной задачи сформирована система правоохранительных органов. Однако в ряде случаев защиту от общественно опасного посягательства могут обеспечить только своевременные активные действия

самого обороняющегося, направленные на причинение вреда посягающему лицу. Поэтому согласно ст. 37 УК РФ в указанных случаях лицо, подвергающееся общественно опасному посягательству, имеет право на необходимую оборону.

В преамбуле постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законо-

¹ Елинский А.В. О критериях ограничения пределов усмотрения федерального законодателя в сфере уголовно-правового регулирования: практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. № 5. С. 40.

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58.

дательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» справедливо отмечается, что уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий реализации конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

Институт необходимой обороны играет важную роль в противодействии преступности, прежде всего насильственной и корыстно-насильственной. На это обращает внимание Е.В. Авдеева: «Одной из угроз интересам личности, общества и государства является преступность, носящая как национальный, так и транснациональный характер, противодействие которой обеспечивается преимущественно нормами действующего уголовного закона. В процессе реализации уголовной ответственности существенную роль играет институт необходимой обороны, применение которого способствует обеспечению принципов справедливости и соразмерности назначаемого уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. Проблема реализации института необходимой обороны на современном этапе состоит в том, что сейчас законодательная конструкция норм, регламентирующих институт необходимой обороны, основана на преобладании оценочных правовых категорий, заведомо детерминирующих на правоприменительном уровне коллизии при квалификации деяний и оказывающих негативное влияние на реализацию конституционного права граждан на необходимую оборону»¹.

Следует согласиться с мнением Е.В. Авдеевой и признать, что реализация гражданами своего естественного права на необходимую оборону сопряжена с некоторыми проблемами и трудностями. Одна из этих проблем заключается в том, что

простой гражданин, являющийся адресатом положений ст. 37 УК РФ, нередко просто не в состоянии понять содержание права на необходимую оборону, а также не способен определить пределы ее правомерности, что обусловлено особенностями юридической конструкции указанной статьи.

В рамках диссертационного исследования А.В. Никуленко проведен опрос граждан и сотрудников правоохранительных органов, который показал, что «действующие формулировки нормы о необходимой обороне не отвечают современным реалиям и слишком размыты, и, таким образом, сложны для практического применения – 79%. И лишь 6% полностью удовлетворены сложившейся ситуацией. Среди представителей следственных и судебных органов таковых 81% и 11%. Понятие «размытости» проявляется, прежде всего, в том, что норма сформулирована слишком «обще» и, тем самым, предоставляет широкий простор для судебного-следственного усмотрения. Что, в свою очередь, ставит перед обороняющимся гражданином, и так находящимся в состоянии сильного душевного волнения, непосильную задачу определения пределов правомерности причинения вреда. Должно же быть наоборот – гражданин полностью уверен в правомерности своих действий и, главное, в отсутствии для него негативных правовых последствий»².

В результате обороняющееся лицо при совершении в отношении него общественно опасного посягательства находится в весьма сложной ситуации. Более того, можно утверждать, что посягающий имеет ряд преимуществ перед обороняющимся. На это обращает внимание В.В. Меркурьев: «Проведем простой подсчет шансов, которыми располагают нападающий и жертва посягательства. На стороне первого – внезапность, спланированное преимущество в силе и вооруженности, расчет на безнаказанность. Даже если отвечать все же придется, его ждет неспешная правовая процедура с многочисленными гарантиями, в том числе и самыми главными – презумпцией

¹ Авдеева Е.В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Российский судья. 2019. № 1. С. 16.

² Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08. Санкт-Петербург, 2019. С. 188.

невинности и гарантией собственной жизни, поскольку смертная казнь назначена быть не может при любых обстоятельствах. Кроме того, вполне вероятен оправдательный приговор. У обороняющегося дела обстоят не столь благополучно: психологическая и физическая неготовность к защите, реальная угроза жизни и здоровью, плюс риск неблагоприятных последствий в случае «превышения» пределов необходимой обороны и, соответственно, вероятность самому стать подсудимым, плюс опасность мести родственников или друзей преступника, плюс отсутствие какой-либо правовой или фактической защиты в ходе привлечения нападающего к уголовной ответственности... Право на оборону должно стать реальным. Закон и практика его применения обязаны изменить то ненормальное положение, при котором преступник имеет преимущество перед жертвой. Даже элементарное представление о справедливости требует, чтобы было наоборот»¹.

Представляется, что в ситуации необходимой обороны обороняющееся лицо должно находиться в более выгодном положении по сравнению с посягающим. Этого можно добиться только в том случае, когда обороняющийся, отражая и пресекая общественно опасное посягательство, будет отчетливо осознавать как минимум следующее:

1) он обладает правом причинения вреда посягающему лицу;

2) причинение данного вреда посягающему лицу не превысит пределы необходимой обороны;

3) следственно-судебные органы дадут оборонительным действиям объективную оценку и установят правомерность действий обороняющегося.

Иными словами, обороняющееся лицо должно быть уверено в правомерности своих действий, и лишь в этом случае можно говорить об эффективной реализации права на необходимую оборону. В противном случае возможна одна из следующих нежелательных ситуаций:

1) обороняющийся, не уверенный в возможности противодействия общественно опасному посягательству, стре-

мится причинить минимальный вред посягающему, пытается избежать посягательства или вообще ведет себя пассивно, в результате чего посягающее лицо достигнет своей цели, причинив вред охраняемым законом интересам;

2) обороняющийся, отразив посягательство путем причинения вреда посягающему лицу, совершает после этого действия, представляющие собой месть, расправу, самосуд, и в результате он, даже в случае признания его оборонительных действий правомерными, будет нести уголовную ответственность за преступление против личности, совершенное вне рамок времени необходимой обороны;

3) обороняющийся, правомерно причинив вред при необходимой обороне, опасается возможного привлечения к уголовной ответственности, поэтому уничтожает все возможные (по его мнению) следы своего пребывания на месте происшествия и скрывается, в результате у следственно-судебных органов возникают вполне обоснованные сомнения в правомерности оборонительных действий.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование института необходимой обороны и правоприменительной деятельности. При этом основными направлениями указанного совершенствования являются устранение обвинительного уклона при оценке правомерности оборонительных действий, а также максимально возможное сокращение оценочных категорий, используемых при формулировании условий правомерности причинения вреда посягающему лицу.

На законодательном уровне предлагается расширить сферу применения ч. 1 ст. 37 УК РФ, закрепив возможность причинения любого вреда лицу, совершающему посягательство не только на жизнь, но и на здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу и половую неприкосновенность, физическую свободу.

Практика применения положений ст. 37 УК РФ также нуждается в совершенствовании. Прежде всего, следует отметить, что тяжесть вреда, причиненного при

¹ Меркурьев В.В. Уголовное право: необходимая оборона : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. С. 70.

необходимой обороне, не может выступать безоговорочным доказательством превышения пределов необходимой обороны, поскольку под таким превышением могут пониматься лишь умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Поэтому факт причинения смерти посягающему лицу не должен рассматриваться как безоговорочное свидетельство неправомерности оборонительных действий. Кроме того, все издержки, связанные с реализацией права на необходимую оборону, должны возлагаться не на обороняющееся, а на

посягающее лицо, поскольку именно оно первым проявляет агрессивные намерения. При этом посягающий не должен признаваться потерпевшим, поскольку вред ему причинен не преступлением.

Правильная оценка правомерности действий, совершенных в состоянии необходимой обороны, лишенная обвинительного уклона, позволит повысить активность граждан в деятельности по пресечению преступлений и других правонарушений, что, в свою очередь, будет способствовать задачам противодействия преступности.

Шеяфетдинова Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет,
МИРЭА – Российский технологический университет

Правосознание в осмыслении высшей меры наказания

Институт смертной казни как регулятор сопровождает право на протяжении тысячелетий, выводя на первый план его восприятие сквозь призму правосознания. Следует отметить, что вопрос об отношении к исключительной мере наказания продолжает оставаться неоднозначным, однако он еще более подгружается в детализирующую аргументацию сторонников и противников. При этом часто с водой выплескивается и младенец, то есть наслаивающиеся доводы, продиктованные другими видами общественного сознания (религиозного, морального и другими) затмевают попытку правосознания осмыслить ответы на главные аспекты в отношении смертной казни, а именно: «Должна ли данная мера наказания применяться, и если нет, что должно быть адекватной соразмерной заменой ей?».

Пожизненное лишение свободы, применяемое при моратории на смертную казнь и при отказе от таковой, может представляться правовым суррогатом, не всегда убедительным для правосознания каждого, потому что являет собой менее суровую меру наказания, самостоятельно назначаемую, а не привнесенную в законодательство дополнительно фактом отмены смертной казни или мораторием в ее отношении,

а это, в свою очередь, порождает вопросы соразмерности, справедливости, адекватности наказания содеянному. Замена же одного другим двух разных мер наказания (смертной казни пожизненным лишением свободы) считается меж тем приемлемым правосознанием инициаторов и лоббистов данного процесса. А повсеместная приемлемость этого правовым сознанием общества в целом пока не случилась. Не исключено, что из-за отсутствия веских аргументов применительно к позициям справедливости и соразмерности.

Обстоятельством, частично минимизирующим риски судебных ошибок при назначении смертной казни, мог бы послужить законодательно установленный дополнительный срок перед исполнением смертных приговоров (условно назовем это «предисполнительная пауза»), который бы послужил дополнительным основанием для проверки правосудности приговора наряду с существующими процессуальными механизмами. Однако предисполнительная пауза может быть эффективной только при добавлении дополнительных правовых рычагов, которые могут быть использованы только тогда, когда речь идет о высшей мере наказания (например, специальные